УДК 81'373.211

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

Научная статья

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК НОСИТЕЛЬ ГЕОКУЛЬТУРНОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

(на материале обучающей топонимической базы данных
«Московская топонимика»)

Юе Цюй

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена образам пространства, которые несут в себе названия московских улиц (годонимы). Актуальность многоаспектного изучения пространственного образа города Москвы обусловлена необходимостью дополнения топонимической базы данных обучающего типа как лингвокультурными, так и геокультурными данными. Декодирование пространственных образов в аспекте межкультурной коммуникации и городской антропологии способствует более полному раскрытию специфики локальной культуры. Пространственный образ, заключенный в названии, связан с топонимической картиной мира номинатора, декодировать которую носителю другой культуры невозможно без соответствующих исторических и лингвокультурных знаний. На основании анализа выраженности пространственных признаков к выбранной группе названий применяется разделение на объективированные и субъективированные топонимы. Отмечается, что в системе московских годонимов субъективированная пространственная ориентация может реализовываться различными способами, обозначаемыми как маркеры пространства. Приводятся примеры, иллюстрирующие основные словообразовательные и семантические маркеры пространственной локализации. В заключение все перечисленные признаки обобщаются в понятие топонимического образа, интегрирующего собственно языковые, лингвокультурные и геокультурные параметры. Таким образом, для носителя другого языка и другой культуры переход чисто пространственного образа в топонимический образ можно считать одним из критериев приближения к языковой картине мира носителя изучаемого языка.

Ключевые слова: образ пространства, обучающая топонимическая база данных, ментальное пространство, лингвокультурный и геокультурный компоненты, годонимы Москвы, пространственные маркеры

Введение

Топонимические исследования последних десятилетий характеризуются большим разнообразием используемых методов и подходов к материалу. Наряду с традиционными работами, ориентированными «на выявление системно-структурной организации данного разряда лексики» [Корнева 2016: 150], значительно выросло число топонимических исследований, включенных в антропоцентрическую и когнитивную парадигму современной лингвистики, в русле которых топоним рассматривается не просто как идентификатор географического объекта, но как когнитивный инструмент,

отражающий ментальные процессы и их результаты в виде системы знаний о мире, ср. [Березович 2009; Королева 2015; Корнева 2016]. Топоним кодирует и транслирует историко-культурную информацию об определенной территории, ср. определение Н.Д. Голева и Л.М. Дмитриевой, обсуждающих возможности когнитивной ономастики.: «Собственные имена определяют систему знаний о мире, участвуют в формировании мировоззрения человека, а топонимы, кроме того, фиксируют отражение географической действительности в сознании человека, возникнув изначально в качестве знаков-ориентиров» [Голев, Дмитриева 2008: 6].

Характерной особенностью синхронной топонимики последних десятилетий является тенденция к взаимодействию с дисциплинами, содержание которых прежде не было связано с лингвистической ономастикой [Васильева 2019: 202]. К ним относятся культурная (гуманитарная) география и региональный менеджмент. В этих дисциплинах широко используется понятие имиджа территории, ср.: [Замятин 2020; Бачерикова 2016; Панкрухин 2006]. В самом общем смысле имидж территории представляет собой образ локальной территории, складывающийся в сознании её жителей; это совокупность субъективных представлений о территории, сформированных в результате опыта и знаний о мире человека, проживающего на данной территории. Об имидже места как «рационально формируемом образе» пишет М.В. Голомидова [Голомидова 2020: 264]. Имидж территории является неотъемлемой частью локальной культуры, а также важным элементом геокультурной системы территории, а одним из инструментов моделирования имиджа территории является топонимический нейминг [Голомидова 2020: 266]. Признание тесной взаимосвязи всех элементов триады «язык – культура – пространство» позволяет говорить о том, что топоним в качестве языковой единицы служит инструментом расшифровки и передачи как лингвокогнитивной, так и культурной информации о географическом ландшафте. Данное положение позволяет считать различные типы топонимов источником представлений о локальной картине мира и использовать это знание в сфере межкультурной коммуникации и в преподавании русского языка как иностранного (РКИ).

Пространственный образ как ключ к конструированию образа места

Актуальность обращения к образам пространства в названиях улиц Москвы обусловлена необходимостью введения лингвокультурной информации в топонимическую базу данных «Московская топонимика», которая создается как обучающая база данных для сферы обучения РКИ [Цюй Юэ, Васильева 2019]. Выбор пространственного параметра в качестве релевантного признака в описании топонимического имиджа Москвы обусловлен онтологическим доминированием пространства в картине мира носителей языка. В.Г. Гак отмечал, что «пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак 1998: 670]. Согласно Е.С. Кубряковой, «характеризуя понятие пространства, используют не только понятие объекта, но и понятие места» [Кубрякова 2004: 468]. Для носителя другого языка и другой культуры важно не только узнать новое название места (в данном случае, это название улицы, или годоним¹), но и получить представление об определенном геокультурном

¹ Годоним (от греч. *hodos* ‘дорога, улица’ + оним ‘собственное имя’) – принятый в ономастике термин для названий внутригородских линейных объектов (улиц, переулков, бульваров и пр.) [Подольская 1988:

пространстве, включающем, помимо территории, также исторические события, хозяйственную деятельность, религиозную жизнь, традиции и обычаи. Совокупность этих представлений складывается в ментальный образ (имидж) пространства, который исследователь в данном случае не конструирует, а расшифровывает, делает прозрачным для сознания носителей другого языка и другой культуры. Для этого в качестве цели нашего исследования ставится выявление и описание языковых способов отражения образа пространства в сознании номинаторов, которые впервые вступили в соприкосновение с ситуацией называния и внесли в номинацию свой опыт носителей языка, накопленные знания о мире, включая эмоционально-оценочную составляющую. В современных топонимических исследованиях пространственная составляющая номинации и роль субъекта номинации детально разработана для микротопонимии, ср.: [Березович 2009]. Ряд принципов и методов, используемых для исследования микротопонимов, возможно с некоторой модификацией применить и для реконструкции номинативной ситуации с внутригородскими объектами и ее наглядного отображения в топонимической базе данных (поле лингвокультурной информации). В качестве материала нами были использованы исследования и справочники по топонимии Москвы, особенно [Улицы Москвы 2003; Забелин 2007; Соколова 2015], а также справочная информация по улично-дорожной сети Москвы [Лобанов 2008 и др.]. В ходе исследования преимущественно применялся семасиологический подход к анализу способов ориентации пространственного положения и отношения в годонимах Москвы. Из рассматриваемых названий были исключены посессивные топонимы, а также мемориальные топонимы (коммеморативы), которые традиционно относятся к социополитической сфере и не отражают пространственной рефлексии субъекта. В процессе исследования мы планировали получить ответы на следующие вопросы: 1. Как номинаторы осваивали понятие «место» и ориентировали его в пространстве? 2. Какие языковые способы могут быть маркерами отражения пространственных отношений? 3. В чем польза такого подхода к имиджу города Москвы для носителя иного языкового сознания?

Обсуждение и результаты

По способу репрезентации пространственного образа в номинации московские топонимы на первом этапе анализа были разделены на **объективированные** и **субъективированные**. Мы опирались на представление об ориентационных системах, разработанное Е.Л. Березович для микротопонимии, а также на введенные ею термины «субъективированная и объективированная ориентационная система» [Березович 2009: 129–133]. Дальнейшую классификацию мы строили сами, основываясь на тех признаках, которые релевантны для восприятия носителями другого языка и культуры. Таким образом, под объективированными топонимами мы понимаем названия, мотивированные свойствами самого объекта. Ко второму типу мы относим названия, обусловленные субъективным взглядом и позицией номинатора при ориентации в пространстве; данный тип названия отражает представления субъекта о пространственном размещении объекта.

52]. Родовым термином для годоним является термин урбаноним (лат. *urbanus* ‘городской’), которым обозначаются названия всех городских объектов. В настоящей статье оба этих термина употребляются взаимозаменяемо с терминами топоним и внутригородской топоним.

1. Пространственный образ в объективированных топонимах

1.1. «Геометрические» топонимы

Условно как геометрические можно обозначить внутригородские топонимы, в которых получили отражение такие пространственные понятия, как размер, форма и конфигурация объекта.

Размер. В данном случае маркерами пространственного образа географического объекта, отраженного в топониме, являются признаки «Длина» и «Ширина». Ср.: *Широкая ул., Широкий проезд, Узкий переулок*. Признак «Высота» относится преимущественно к расположению объекта на возвышенности (*Высокая ул.*). Особым случаем выражения пространственного понятия временными маркерами может служить топоним *Долгий переулок* (с 1947 г. ул. Бурденко) – как номинация, которая претерпела семантический перенос признака времени на признак пространства (*долгий* в данном случае ‘*длинный*’).

Форма и конфигурация именуемого объекта в пространстве отражается в топониме признаками «прямой – не прямой» (кривой, извилистый, изломанный и т.п.), а также использованием номинаций из области геометрии. Ср.: *Дуговая улица, Извилистый проезд, Кривоарбатский переулок, Кривой переулок* (историч.), *Кривогрузинский переулок* (1922–1954 гг.), *Кривоколенный переулок, Кривоникольский переулок, Обводное шоссе, Прямой переулок, Угловой переулок* (по изломанной конфигурации), *Окружная улица, Хордовый проезд, аллея Большого Круга* и др. Обращает на себя внимание, что московские топонимы, отражающие восприятие формы и конфигурации линейных объектов, вписываются в круг тех «ментально-топонимических стереотипов» русской топонимической картины мира, на которые указывают исследователи микротопонимии (*прямой – кривой (косой), извилистый, клин, угол*) [Васильева 2006: 55].

Следует отметить относительность мотивированности отдельных номинаций. Это выражается в том, что топоним мотивируется не только непосредственной формой и/или конфигурацией объекта, но и соседними топонимами. Например, *Прямой переулок* назван так, потому что является относительно прямым в отличие от соседних; *Узкий переулок* – является таким по сравнению (и в соотношении) с находящимся рядом *Широким проездом*. Таким образом, важным для понимания мотивированности названия является расположение объекта в пространстве относительно других объектов.

1.2. Ориентиры-слова, обозначающие стороны света

Наряду с «геометрическими» топонимами, к объективированному типу названий можно отнести такие, в которых пространственный образ выражен с помощью слов-ориентиров, обозначающих стороны света. Ср.: *Северный проезд, Восточная улица, Южный проезд, Южнопортовая улица, Восточный переулок* и др.

2. Пространственный образ в субъективированных топонимах

Субъективированный тип топонимов связан, прежде всего, с точкой зрения номинатора-наблюдателя, которая находит отражение в наименованиях, и именно эту субъектную детерминированность следует реконструировать и отразить в соответствующем поле топонимической базы данных. Поскольку в принципе «пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир» [Апресян

1995: 639], в представлении субъекта о географическом объекте, в частности, о его пространственном расположении, отражается номинативная ситуация в целом. Согласно Е.Л. Березович, именно субъект, являясь «неотъемлемым элементом номинативной ситуации <...> определяет стратегию и тактику номинативного осмысления объекта; жизненный опыт, перцептивные особенности, культурный багаж субъекта формируют гносеологическую базу имитворчества» [Березович 2009: 130].

При рассмотрении пространственного образа как компонента геокультурного имиджа г. Москвы, овнешняемого в урбанонимах, можно заметить, что субъективированные топонимы с выражением пространственного значения возникают в следующих двух ситуациях. В первой ситуации субъект служит **ориентиром**, который непосредственно участвует в локализации объекта. Это так называемая автоориентация [Березович 2009: 129], когда пространственное положение именуемого объекта ориентируется на положение самого субъекта. Данная ситуация всегда требует физического наличия субъекта, который находится в статичном состоянии.

Во второй ситуации субъект служит **регулятором**, который опосредованно координирует пространственное положение объекта и ориентирует пространственное отношение именуемого объекта при помощи привлечения другого объекта в свое пространственное измерение [Березович 2009: 129–130]. Здесь пространственная корреляция именуемого объекта реализуется не от субъекта, а через внешний объект, который попадает в ментальную сферу субъекта в момент номинации как вспомогательный инструмент для ориентации и имеет психологически более релевантную ассоциацию с именуемым объектом в сознании субъекта. В этой ситуации субъект освобождается от функции ориентира и выступает в роли наблюдателя-регулятора; соответственно, позиция субъекта в системе ориентации является имплицитной.

В Московской топонимической системе субъективированные названия с ориентацией номинативного объекта в пространстве образуются словообразовательным и семантико-мотивированным способами.

2.1. Словообразовательный способ для реализации субъективированной ориентации в основном заключается в использовании префиксов-маркеров с пространственным значением. Префиксы, выступающие как часть словообразовательной структуры топонимов и соотносимые с предлогами, могут приписывать топониму такое же значение, как и соответствующий предлог. В структуре московских годонимов к таким префиксам, служащим маркерами-ориентирами для выражения пространственных отношений именуемого объекта, относятся префиксы *на-, за-, под-, при-*.

Префикс на-, употребляющийся при словообразовании топонимов, выражает направление движения и расположение объекта, т.к. соответствующий предлог *на* связан с куда-ориентацией и с где-ориентацией (термины Е.Л. Березович). Например, *Напольный проезд* назван в связи с тем, что первоначально он действительно вел в поля и по ним пролегал [Улицы Москвы 2003: 189] (направление движения, куда-ориентация). Названия *Напрудная 1-я, 2-я улицы* даны по расположению вблизи небольшого пруда [Улицы Москвы 2003: 189] (небольшое расстояние, где-ориентация).

Префикс за- в словообразовательной структуре топонимов означает, что именуемый объект находится позади мотивирующего объекта. Например, *улица Заболотье* – *за болотом*, *Заозерная улица* – *за Косинскими озерами*, *Заречная улица* – *за Москвой-*

рекой относительно *центра* [Улицы Москвы 2003: 100]. Причудливость префикса *за-* в ментальной системе ориентации субъекта заключается в том, что при обозначении места позади чего-либо требуется предварительное обусловливание направления взгляда субъекта, т.е. оба объекта, и именуемый, и мотивирующий, одновременно как бы находятся на оси взгляда, при этом в ментальной картине присутствует еще объект, относительно которого выстраивается направление (ср.: *Заречная улица*, расположенная *за Москвой-рекой* относительно *центра* города).

Префикс под- в словообразовательной структуре топонима указывает на положение именуемого объекта в пространстве ниже или в непосредственной близости от мотивирующего объекта. Ср. *Подколокольный переулок*, в названии которого «отразилось расположение в начале переулка (от Солянки) колокольни церкви Рождества Богородицы на Стрелке, построенной по типу “иже под колоколы”, т.е. с колокольной поверх церкви» [Улицы Москвы 2003: 230]. Название *Подгорская набережная* дано «по расположению набережной у подножия крутого склона левого берега р. Яуза (так называемой *Вишовой горки*)» [там же]. В данном случае реконструируется ментальная модель с ориентацией взгляда субъекта с горки.

Префикс при- употребляется в словообразовании топонимов для обозначения положения именуемого объекта в пространстве, расположенного возле/около мотивирующего объекта или непосредственно примыкающего к нему. Ср.: *Прибрежный проезд* – по близости к берегу канала имени Москвы; *Приречная улица* – проходит вдоль р. Сетунь; *Приозёрная улица* – по ее положению у озера на территории бывшей подмосковной деревни Черкизово [Улицы Москвы 2003: 238–239].

2.2. Семантико-мотивированный способ представления пространственного образа в субъективированных топонимах характеризуется наличием следующих мотивов с пространственными значениями.

Мотивы с опосредованными ориентационными отношениями

Иностранцы, попадая в Москву, удивляются экстраординальным и кросс-территориальным характеристикам московской городской топонимии и шутят между собой, что можно путешествовать по всей России и даже по Европе, не покидая границ Москвы. Это связано с тем, что в Москве существует много топонимов, мотивированных топонимами, указывающими направление улицы за пределами Москвы [Цюй Юе 2019], ср.: *Кавказский бульвар*, *Северодонецкая 1-я улица*, *Черноморский бульвар*, *Елецкая улица* и т.п. В данных названиях ориентация именуемого объекта выполняется по отношению к другому топониму (мотивирующему объекту), который находится вне территории Москвы, но релятивирован с именуемым объектом определенным типом пространственных отношений. Исследование топонимического материала Москвы позволяет выделять три семантических группы пространственных отношений, релевантных для выражения субъективированной ориентации в пространстве.

Стоит отметить, что не все названия, мотивированные внесмоковскими топонимами, могут быть ориентиром с пространственным значением. Например, в Москве существуют немало мемориальных топонимов, которые никогда не выступают как показатель пространственной ориентации. Например, *Таллинская улица* названа в честь города Таллинна – столицы Эстонии, но не имплицитно никакой пространственной направленности в топонимической карте.

Импликация обозначения сторон света

В московской топонимической системе существуют немало уличных названий, мотивированных другими топонимами (название городов, населенных пунктов, стран и т.д.) с импликацией обозначения сторон света, т.е. положение именуемого объекта ориентируется по сторонам света к мотивирующему объекту. Это проективная схема ориентации, с одной стороны, отражает координирование системы номинации уличных объектов Москвы с планировочной структурой столицы, состоящей из радиальных и кольцевых трасс, ср.: [Широкая 2015: 19]. С другой стороны, эта схема имплицитно центробежную направленность ориентации [Березович 2009: 147] при освоении городских линейных объектов, т.е. центр освоения пространства приблизительно сходится к центру столицы – Кремлю, откуда субъект направляет свою точку зрения в разные стороны света и включает связанный с данным направлением внешний объект в свое ментальное пространство для фиксации расположения объекта номинации. Например, *Азовская улица* названа по Азовскому морю в связи с расположением на юге Москвы. *Краснодарская улица* названа по городу Краснодар, находящемуся на юго-востоке к Москве.

Следует отметить, что не все названия данного типа имплицитно центробежную позицию субъекта. В московской топонимии есть название, имплицитно центростремительную ориентацию. Это *Московская аллея*, которая имеет направление к центру Москвы [Улицы Москвы 2003: 185].

Среди мотивированных топонимов с имплицитным указанием значения сторон света количественно преобладают названия, мотивированные южными топонимами, т.е. локализованными к югу от Москвы, затем следуют юго-восточные и восточные топонимы. Хотя северные топонимы по количеству наименований занимают относительно небольшое место в топонимической системе Москвы, они имеют особую значимость для представления знаний о региональном географическом и этнокультурном пространстве Русского севера [Найденова, Бурлаков 2019]. Ср.: *Норильская улица, Беломорская улица, Шенкурский проезд, Анадырский проезд, Верхоянская улица* и т.д. Северное направление, имплицитно в топонимических единицах, репрезентировано не только вторичными топонимами, но и метафорическими названиями, имеющими ассоциативно-образную соотнесенность с северной территорией России в сознании создателей и пользователей топонимической системы. Ср.: *Снежная улица, Студеный проезд, Таежная улица* и т.п.

Импликация значения направления дороги

Еще один тип названий, мотивированных другими топонимами, имплицитно значение направления дороги в пространстве. Ориентация этих топонимов осуществляется по направлению движения дороги к мотивирующему объекту, т.е. номинация производится по указанию пункта прибытия. Это один из самых продуктивных типов номинации, сложившийся еще в древности, ср.: именование улиц по важнейшим дорогам, идущим от Кремля: *Тверская дорога, Можайская дорога, Каширская дорога* (ныне Тверская улица, Можайское шоссе, Каширское шоссе) [Соколова 2015: 9]. Указание на направление имплицитно присутствует в современных топонимах Москвы. Ср.: *Санаторная аллея* – ориентирует по направлению к санаторию «Узкое»; *Старокоптевский переулок* – по направлению к подмосковной деревне Старое Коптево; *Старопетровский проезд* – по направлению к бывшему селу Петровское [Улицы Москвы 2003: 281].

В локализации объектов данного типа не требуется участие положения субъекта. Однако предельные и конечные пункты движения определяются полем зрения субъекта. При этом позиция субъекта не всегда сосредоточивается на конечном объекте, иногда она перемещается на начальную точку и устанавливает начало дорожного направления. В корпусе топонимов для нашей базы данных таким является название улицы *Стромынка*, в котором сохранилось название начального участка старинной дороги, которая вела из Москвы в Суздаль через село *Стромынь* [Соколова 2015: 9].

Выводы

Одним из способов реконструирования пространственного образа как специфического компонента геокультурной модели города Москвы является анализ структуры внутригородских топонимов с выраженной ориентационной составляющей. На основе принципа антропоцентризма и с опорой на понятие номинативной ситуации и ее компонентов были выделены объективированные и субъективированные топонимы. В московской топонимической системе пространственный образ города в объективированной ориентации актуализируется в основном «геометрическими» топонимами (форма и конфигурация) и топонимами-ориентирами по сторонам света. Пространственный образ в субъективированной ориентации, т.е. отражающий (а в нашем случае реконструирующий) взгляд субъекта-номинатора, актуализируется в префиксальных номинациях (пространственные маркеры) и в номинациях, в семантике которых можно определить пространственную мотивацию (пространственные семантические мотивы). Интересное явление в плане репрезентации пространственного образа представляют собой вторичные топонимы, мотивированные другими топонимами вне территории Москвы, но с пространственной релевантностью, которые позволяют дополнительно выделять группы мотивов с имплицитным выражением пространственных отношений, характерных для внутригородских топонимов.

Заключение

Будучи особым знаком в системе языка, топоним выполняет две основных функции: идентифицирует географический объект и хранит (и транслирует) лингво- гео- и этнокультурную информацию. Пространственный образ является важным элементом в понятии топонимического образа, который формируется всей совокупностью знаний, связанных с топонимом в языковом сознании носителей языка. Носителям другого языка и другой культуры невозможно его раскрыть без получения соответствующей лингвокультурной и геокультурной информации. Поэтому правильное понимание и восприятие топонима в его лингвокультурном и геокультурном аспектах служит еще одним критерием приближения к языковой картине мира носителя изучаемого языка. В настоящее время создание топонимических баз данных различного типа стало общемировой тенденцией [Гордова 2020: 79]; этот процесс находит активное применение в сфере обучения иностранному языку. Построение топонимической базы данных с включением специально разработанных лингвокультурных и геокультурных параметров предоставляет открытую платформу носителям другой лингвокультуры, которая дает им возможность в полной мере освоить особенности локальной культуры изучаемого языка в лингвогеокультурной парадигме.

Литература

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Том II. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
- Бачерикова М.Л.* Имидж территории и факторы его формирования / М.Л. Бачерикова, И.М. Романова // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11 (ч. 4). С. 1105–1111.
- Березович Е.Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. Изд. 2, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.
- Васильева Н.В.* Городские топонимы как языковые маркеры «своего» пространства // Acta humanitarica universitatis Saulensis. Šiauliai: Šiaulių universitetas. 2020. № 27. С. 196–206.
- Васильева С.П.* Представление о форме географических объектов в топонимической картине мира // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 5 (12). С. 51–56.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М.: «Школа Языки русской культуры», 1998. 763 с.
- Голев Н.Д., Дмитриева Л.М.* Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 5–18.
- Голомидова М.В.* Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 263–278.
- Гордова Ю.Ю.* Актуальные способы обработки и представления ономастических данных: 2009-2019. М.: ЛЕНАНД, 2020. 128 с.
- Забелин Н.Ю.* Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ топонимической системы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 2007. 202 с.
- Замятин Д. Н.* Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
- Корнева В.В.* Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №1. С. 150–154.
- Королева И.А.* Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 31–38.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лобанов Е.М., Бахирев И.А., Сигаева Т.В., Кракович С.С.* Развитие планировочной и функциональной структуры улично-дорожной сети в Москве // Архитектура и строительство Москвы. 2008. Т. 540. № 5. С. 8–14.
- Найденова, Е.А., Бурлаков Ю.К.* Российский Север на московских улицах. М.: Московский дом национальностей, 2019. 224 с.
- Панкрухин, А.П.* Маркетинг территорий: учеб. пособие / А. П. Панкрухин. СПб.: Питер. 2006. 416 с.
- Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 192 с.
- Соколова Т.П.* Методические рекомендации по наименованию улиц в Москве. М.: Комитет общественных связей города Москвы, 2015. 64 с.
- Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. М.: Издательский центр «Наука, техника, образование», 2003. 336 с.
- Цюй Юе, Васильева Н.В.* Параметризация топонимического материала как основа построения обучающей базы данных «московская топонимика» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. №4. С.20–29.
- Широкая Н.В.* Формирование улично-дорожной сети в Москве // Евразийский Союз Ученых, 2015. № 5–4 (14). С. 18–21.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15.02.2021

Дата принятия к печати: 07.03.2021

Сведения об авторах:

Юе Цюй – Аспирантка сектора прикладного языкознания Института языкознания РАН

Контактная информация:

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер. 1 стр. 1.

e-mail: yuequ0726@yandex.com

Для цитирования:

Юе Цюй Пространственный образ как носитель геокультурной и лингвокультурной информации (на материале обучающей топонимической базы данных «Московская топонимика») // Вопросы психолингвистики №1(47) 2021. С.148–159. DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

UDC 81'373.211

Research article

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159

**SPATIAL IMAGE AS A CARRIER OF GEOCULTURAL
AND LINGUOCULTURAL INFORMATION**

**(A case study of the training toponymic database
“Moscow Toponymy”)**

Yue Qu

Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses spatial images preserved in the names of Moscow streets (hodonyms). The relevance of the multidimensional study of the Moscow spatial image is preconditioned by the necessity to add both linguocultural and geocultural data to the training toponymic database. Decoding spatial images through the prism of cross-cultural communication and urban anthropology contributes to a more complete disclosure of local culture specificity. The spatial image a name contains is associated with the toponymic picture of the nominator's world that a culture-bearer can hardly decode without historical and linguistic-cultural knowledge. Using spatial features distinctiveness as a tool to analyze the group of selected toponyms, we have distinguished objectified and subjectified toponyms. It should be also noted that in the system of Moscow hodonyms, subjective spatial orientation can be implemented in various linguistic ways designated as space markers. Examples illustrating the main word-building and semantic markers of spatial localization are provided. In conclusion, all the features are summarized in the concept of a toponymic image that actually integrates linguistic, linguistic-cultural and geocultural parameters. From this perspective, for

the bearer of another linguistic culture, the transition of a purely spatial image to a toponymic image can be regarded one of the criteria to getting closer to the linguistic world image of the speakers of a studied language.

Keywords: spatial image, training toponymic database, mental space, linguistic-cultural and geocultural components, Moscow hodonyms, spatial markers

References

Apresian Ju. D. Izbrannye trudy. Tom II. [Selected works. Vol. 2]. Moscow: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. 766 s. (In Russian).

Bacherikova M. L. Imidzh territorii i faktory ego formirovaniya [Territorial image and its formation factors] / M. L. Bacherikova, I.M. Romanova / M. L. Bacherikova, I.M. Romanova // *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Journal of Economy and Business]. 2016, no.11 (ch. 4). S. 1105–1111. (In Russian).

Berezovich E.L. Russkaja toponimija v etnolingvističeskom aspekte: Prostranstvo i čelovek [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect: Space and human]. Izd. 2, ispr. i dop. M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 328 s. (In Russian).

Vasil'eva N.V. Gorodskie toponimy kak iazykovye markery “svoego” prostranstva [Urban toponyms as linguistic markers of “owning” the space] // *Acta humanitarica universitatis Saulensis*. Šiauliai: Šiaulių universitetas, 2020, no. 27. S. 196–206. (In Russian).

Vasil'eva S.P. Predstavlenie o forme geograficheskikh ob'ektov v toponimicheskoj kartine mira [The form of geographical objects in toponymic picture of world] // *Sibirskii zhurnal nauki i tekhnologii* [Siberian Journal of Science and Technology]. 2006, no.5 (12). S. 51–56. (In Russian).

Gak V.G. Iazykovye preobrazovaniia [Linguistic transformations], M., 1998. 763 s. (In Russian).

Golev N.D., Dmitrieva L.M. Edinstvo ontologičeskogo i mental'nogo bytiia toponimicheskoj sistemy (k problematike kognitivnoi toponimiki) [Ontological and mental existence of the toponymic system as integrated (on the problems of cognitive toponymy)] // *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2008, no.5. S. 5–18. (In Russian).

Golomidova M.V. Toponimicheskoe imidzhirovanie gorodskikh prostranstvennykh ob'ektov [Toponymic imaging of urban spatial objects] // *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics]. 2020. T. 17. no 3. S. 263–278. (In Russian).

Gordova Ju.Ju. Aktual'nye sposoby obrabotki i predstavleniia onomasticheskikh dannykh: 2009-2019 [Current methods of processing and presenting onomastic data: 2009-2019]. M.: LENAND, 2020. 128 s. (In Russian).

Zabelin N.Iu. Moskovskaia gorodskaia toponimija. Strukturno-semantičeskii analiz toponimicheskoj sistemy [Moscow urban toponymy. Structural and semantic analysis of toponymic system]. Ph.D. thesis. Moscow, 2007. (In Russian).

Zamiatin D.N. Geokul'turnyi brending gorodov i territorii: ot teorii k praktike [Geocultural Branding of Cities and Territories: from theory to practice.]. SPb.: Aleteia, 2020. 668 s. (In Russian).

Korneva V.V. Toponimicheskie issledovaniia v novoi nauchnoi paradigme [Toponymic research in the new scientific paradigm] // *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2016. no.1. S. 150–154. (In Russian).

Koroleva I.A. Iazykovye i kul'turnye kontakty v rusko-belorusskom prigranich'e [Language and cultural contacts in the Russian-Belarusian border area] // *Aktual'nye problemy*

prigranichnykh raionov Belarusi i Rossiiskoi Federatsii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vitebsk, 27 maia 2011 g.) [Actual problems of the border areas of Belarus and the Russian Federation. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Vitebsk, 2011. S. 261–264. (In Russian).

Kubriakova E.S. Iazyk i znanie [Language and Knowledge]. M.: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 560 s. (In Russian).

Lobanov E.M., Bakhirev I.A., Sigaeva T.V., Krakovich S.S. Razvitie planirovochnoi i funktsional'noi struktury ulichno-dorozhnoi seti v Moskve [Development of the planning system and functional structure street and road network in Moscow] // *Arkhitektura i stroitel'stvo Moskvy* [Architecture and construction] / Moscow. 2008, T. 540. no. 5. S. 8–14. (In Russian).

Naidenova E. A., Burlakov Yu. K. Rossiiskii Sever na moskovskikh ulitsakh [The Russian North on Moscow Streets]. M.: Moskovskii dom natsional'nostei, 2019. 224 s. (In Russian).

Pankrukhin A.P. Marketing territorii [Territory marketing]. SPb.: Piter. 2006. 416 s. (In Russian).

Podol'skaja N.V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Izd. 2-e. M.: Nauka, 1988. 192 s. (In Russian).

Sokolova T.P. Metodicheskie rekomendatsii po naimenovaniu ulits v Moskve [Guidelines for naming streets in Moscow]. M.: Komitet obshchestvennykh svyazi goroda Moskvy [Public Relations Committee of the Moscow city], 2015. 64 s. (In Russian).

Qu Yue, Vasil'eva N.V. Parametrizatsiia toponimicheskogo materiala kak osnova postroeniia obuchaiushchei bazy dannykh «Moskovskaia toponimika» [Parameterization of toponymic material as a basis for building the training database “Moscow toponym”] // *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki* [PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin]. 2019, no. 4. S. 20–29. (In Russian).

Shirokaia N.V. Formirovanie ulichno-dorozhnoi seti v Moskve [Formation of the road network in Moscow] // *Evraziiskii Soiuz Uchenykh* [Eurasian Union of Scientists], 2015. no. 5–4 (14). S. 18–21. (In Russian).

© **Yue Qu, 2021**

Article history:

Received: 15.02.2021

Accepted: 07.03.2021

Bionotes:

Yue Qu – Postgraduate student, Institute of Linguistics Russian Academy of Sciences

Contact information:

1 bld. 1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009

e-mail: yuequ0726@yandex.com

For citation:

Yue Qu Spatial Image as a Carrier of Geocultural and Linguocultural Information (A Case Study of The Training Toponymic Database “Moscow Toponymy”) // *Journal of Psycholinguistics* №1(47) 2021, P.148–159. (In Russian). DOI 10.30982/2077-5911-2021-47-1-148-159